

Глава 16. В поместье тоже бывают выходные

—

Байлянь вернулся в Тяньмэндун, а его сердце всё еще гулко колотилось; лицо горело, и хотя он долго пытался остыть, румянец не проходил.

Он выдохнул, сел на подушку, скрестив ноги, и, опершись локтями о столик, потер лицо руками.

— Господин, сегодня на кухне много новых свежих блюд.

Саньлэн вернулся с обедом и, увидев, что Байлянь вяло сидит в комнате, осторожно поднес поднос с едой.

Глядя на Байляня, он чувствовал жалость. Старший молодой господин был строг, угодить ему было трудно, а Байлянь не рос в поместье с детства. К тому же он был врачом и не очень хорошо разбирался в правилах дома. Едва прибыв, он сразу отправился прислуживать в кабинет – должно быть, дел там невпроворот.

Когда сам Саньлэн только начал работать в поместье, он был глуповат, но, по крайней мере, его маленький папа был слугой, прослужившим в этом доме несколько десятилетий. Благодаря наставлениям отца, ему жилось куда легче, чем тем слугам, которых купили со стороны, пусть даже они и были сообразительнее него.

Саньлэн поставил еду и уже хотел было утешить его, но, заметив пунцовое лицо Байляня, поспешно спросил:

— Господин, что с вашим лицом?

Услышав это, Байлянь сухо кашлянул:

— Ничего, просто погода жаркая, душно очень.

— Лето только началось, а солнце уже палит вовсю, прямо как в самый разгар сезона, — сказал Саньлэн. — Я слышал от привратника, что в лавках на рынках уже появились холодные напитки: подслащенная вода, напитки со льдом – великое множество видов, на улицах очень оживленно.

— Правда?

Саньлэн кивнул:

— А как же! На улице Чжуцяо каждое лето так. От еды глаза разбегаются, народу тьма, хоть и тесно, но царит оживленная атмосфера!

Байлянь слушал с упоением. В детстве он жил в деревне, а потом попал в поместье Нин, и случаев, когда он мог выйти за ворота, было раз-два и обчелся. Хотя он всегда знал о процветании города, сам он редко ощущал это на себе. Услышав о таком веселье, он, конечно же, захотел выйти.

Однако он слегка вздохнул:

— Не знаю, когда еще представится случай выйти в город.

Хотя Нин Муянь ещё до приезда обещал ему, что если будут важные дела, он сможет выйти, предварительно сказав ему об этом, но разве такой строгий человек позволит ему уйти просто ради праздных гуляний?

Саньлэн сказал:

— У слуг в поместье есть выходные. Минимум два дня в месяц можно не выходить на службу, можно навещать родных или уходить по своим делам. Чем выше ранг слуги, тем больше дней отдыха. Как же у господина не будет шанса выйти?

— У меня они тоже есть?

Саньлэн кивнул:

— Само собой. На днях я смотрел расписание дежурств нашего дворика: у господина целых четыре выходных дня.

Глаза Байляня загорелись:

— Это же просто замечательно! И когда я смогу выйти?

— Первого, пятнадцатого, двадцать шестого и двадцать восьмого числа, — Саньлэн начал загибать пальцы. — Это лишь предварительные даты. Если будут другие планы, можно договориться с братом Цинмо.

Байлянь прикинул в уме: «Сегодня пятое число, значит, через десять дней настанет мой черед отдыхать!»

При этой мысли он, до этого вялый, мгновенно приободрился. Он вскочил с подушки перед столиком:

— Тогда ты пойдешь со мной, погуляем вместе!

— Хорошо!

Байлянь жил размеренной жизнью. По утрам он нехотя вставал и шел в кабинет Нин Муяня учиться грамоте и письму, вовремя и в полном объеме выполняя задания. В полдень он обедал, немного гулял по саду и возвращался к себе во дворик поспать. После полудня он возился с лекарственными рецептами – дни проходили довольно насыщенно.

В этот день Байлянь снова схитрил и быстро «узнал» все иероглифы, назначенные Нин Муянем, но тот заставил его писать. Вот уже семь или восемь дней подряд он раз за разом писал одни и те же три иероглифа, и Байляню это смертельно надоело.

Он намеренно не хотел писать их красиво. Нин Муянь хоть и не высказывал недовольства, но будто вел с ним скрытую борьбу: пока тот не напишет эти иероглифы хорошо, он не будет учить его другим.

Промаявшись так несколько дней, Байлянь в конце концов сдался. Он несколько раз серьезно вывел эти три иероглифа и сдал работу. Оценка «учителя Нина» наконец сменилась с «курица лапой», «словно ползающие призраки» и «хаотичный танец демонов» на сегодняшнее «приемлемо».

— Значит, теперь я могу начать учить другие слова?

Нин Муянь отложил кисть и искоса взглянул на стоявшего рядом юношу:

— С чего это ты захотел учить другие?

— Мне надоело день за днем тренировать одно и то же. От этого письма мне кажется, что иероглифы уже начинают менять форму. Раз уж за эти дни я узнал новые слова, не лучше ли научиться и писать их?

Услышав слово «надоело», Нин Муянь слегка изменился в лице и произнес:

— Если хочешь писать хорошо, нужно упорно тренироваться. Если доведешь до совершенства написание одного иероглифа, поймешь, как вести и завершать черты, то и остальные слова сможешь писать красиво, даже не упражняясь.

— Но я хочу писать новые. К тому же я не собираюсь сдавать императорские экзамены, зачем мне такая каллиграфия? Главное – просто уметь писать.

Нин Муянь взглянул на него:

— А ты, оказывается, любишь новое и быстро остываешь к старому, только и умеешь, что хитрить.

Байлянь поджал губы.

— Ну ладно. С сегодняшнего дня начнешь писать слова из «Тысячесловия».

— О! Хорошо!

Байлянь с улыбкой побежал на свое место, начал растирать тушь и практиковаться в написании слов из книги. Нин Муянь со своего места посмотрел на усердного юношу и слегка покачал головой.

Цинмо стоял на страже снаружи кабинета. Солнце поднялось высоко, и хотя в Саду Диму деревья давали густую тень, от долгого стояния под навесом спина уже взмокла от пота.

Видя, что время подходит, он собрался было позвать служанку, чтобы та принесла Нин Муяню чашку чая, а заодно хотел спросить, не нужно ли поставить в кабинет лед для охлаждения.

Но не успел он никого позвать, как старшая горничная Цяожоу сама принесла чай. За ней следовали двое слуг, несущих медный таз с колотым льдом.

— Откуда лед? — Цинмо подошел посмотреть.

Цяожоу нежно улыбнулась:

— Госпожа сказала, что погода стоит жаркая, и сегодня вскрыли ледник. Зная, как усердно трудится старший молодой господин за книгами, она велела мне с утра пораньше взять льда и отнести в его кабинет.

— Я как раз хотел пойти и спросить молодого господина, не пора ли принести лед для прохлады, а ты меня опередила. Избавила меня от лишних хлопот, — вежливо отозвался Цинмо и потянулся, чтобы забрать чай из рук Цяожоу: — Давай я сам занесу господину.

Но Цяожоу слегка отклонилась, уворачиваясь от Цинмо, и мягко улыбнулась:

— Жарко на улице, ты уже долго здесь стоишь на посту, утомился наверное. Давай лучше я занесу.

Сказав это, Цяожоу уже собралась позвать слуг за собой, но Цинмо нахмурился. Мало того что молодой господин не любил, когда его беспокоят в кабинете, так сейчас там еще прислуживал маленький лекарь Цзян - появление посторонних было бы совсем некстати.

— О чем ты говоришь? Прислуживать молодому господину - обязанность Цинмо, о какой усталости речь?

Цяожоу легко рассмеялась:

— Цинмо, что с тобой сегодня? Будто ты нарочно мешаешь мне войти и прислужить?

— Молодой господин любит тишину, когда он в кабинете, ты и сама это знаешь.

— Я хоть и служу господину не так долго, как ты, но в саду Диму я тоже не первый день. Неужели я не знаю меры?

В этом споре их голоса стали громче. Цяожоу, пользуясь тем, что за ней было больше людей, оттеснила Цинмо и направилась прямо к дверям кабинета. Едва она подошла и собралась постучать, как услышала доносящиеся изнутри голоса Нин Муяня и кого-то еще.

— Подойди и посмотри. Я напишу дважды, а потом напишешь ты.

Кабинет был большим, и снаружи не было четко слышно, о чем говорят внутри, но было ясно, что там двое. Увидев это, Цяожоу не решилась входить.

Цинмо подошел ближе:

— Давай чай мне.

В душе Цяожоу была недовольна, но на лице изобразила заботу:

— Кто это там прислуживает?

Обычно Нин Муянь даже Цинмо не позволял находиться рядом в комнате, чтобы тот не мешал, а тут он кого-то оставил внутри.

Всё-таки они служили в одном дворе, и она была уважаемой старшей горничной, поэтому Цинмо ответил:

— Это маленький лекарь Цзян.

Сказав это, Цинмо постучал в дверь. Услышав голос Нин Муяня, он вошел с чаем и велел слугам занести лед.

Цяожоу не вошла, она стояла у порога и через приоткрытую дверь заглянула внутрь. То, что она увидела, заставило её нахмуриться.

Она увидела миловидного гера, который стоял прямо у письменного стола: он растирал тушь и, склонив голову, внимательно наблюдал за тем, как пишет Нин Муянь. Они стояли так близко друг к другу, будто были знакомы много лет.

Работая в саду Диму, она, конечно, знала, что старший молодой господин привез с собой лекаря, поселил его в Тяньмэньдуне и даже приставил к нему Саньлэна для помощи – это был весьма щедрый прием.

Поговаривали, что в деревне господину стало нехорошо, и он пригласил этого лекаря. За оказанную помощь тот и получил признание и был приглашен в поместье.

Зная сдержанный и достойный нрав Нин Муяня, никто и не думал о чем-то другом. В конце концов, в этом дворе было полно красавиц-гунфан¹, но старший молодой господин ни разу не призывал их для утех. Что уж говорить о деревенском лекаре-гере с заурядной внешностью?

Но теперь, увидев этого человека в кабинете и заметив, как снисходителен и добр к нему молодой господин, она невольно исполнилась подозрений.

— Цяожоу, ты всё еще здесь? — Цинмо вышел, подав чай, и удивился, увидев её.

Он добавил:

— Как раз вовремя. Скоро полдень, сходи на кухню, посмотри, готов ли обед, и поторопи их – молодому господину нужно уехать после полудня. Еще господин велел приготовить миску охлажденного арбузного сока, я как раз иду за ним.

— Молодой господин никогда не любил арбузный сок, с чего вдруг он его попросил?

Цинмо ответил:

— Раз господин велел – значит, нужно готовить. Я не смею расспрашивать. Пойдем вместе.

Цяожоу глубоко вздохнула и, ничего не сказав, бросила последний взгляд на закрытую дверь кабинета, после чего быстрым шагом направилась к кухне.

— С ледяными глыбами в комнате и вправду стало куда прохладнее.

Глядя на лед в медном тазу, Байлянь обошел стол и подошел поближе; чем ближе он был, тем приятнее холодок касался кожи. Знатные семьи не только богаты – раз могут позволить себе лед для прохлады, но и изысканны: в таз со льдом положили немного жасмина, и в воздухе разливался тонкий аромат.

И прохладно, и для души отрада.

— Если тебе жарко, попроси Цинмо, чтобы он и в твою комнату поставил такой таз.

Байлянь тут же отказался. Когда он моется вечером, он добавляет в воду немного охлаждающего масла – этого холодка хватает, чтобы пережить ночь.

Раньше, когда он был наложником в маленьком дворике, его статус был хоть и немного, но выше нынешнего, и то летом лед давали не всегда. Не стоило сейчас нарушать правила.

— Я привычен к жаре. Если поставлю лед в комнате, еще, чего доброго, простужусь.

Нин Муянь взглянул на него:

— Раз не хочешь, зачем тогда с таким интересом льнешь к нему? Уж не хочешь ли снова отлынивать от письма?

Байлянь поджал губы. «Даже червь в моем животе не знает моих мыслей лучше тебя».

— У меня послезавтра выходной, так что я не собираюсь сейчас лениться.

Нин Муянь произнес:

— Раз скоро выходной, тогда пиши быстрее.

Байлянь понял подтекст: Нин Муянь признает его право на отдых и не собирается его лишать выходного. Сердце юноши запело от радости, и он поспешил вернуться к письму за стол, на котором теперь стояла чаша с ледяным арбузным соком.

—

Примечание автора:

[1] Здесь стоит пояснить: «тунфан» (tongfang) — это служанки или геры, имеющие официальное право проводить ночь с господином, но это не означает, что они уже это делали.

—

<http://bllate.org/book/15039/1356176>